

СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

НЮЧНАЯ

СМЕНА

18+

Сесилия Суарез

Ночная смена

«Автор»

2026

Суarez С.

Ночная смена / С. Суarez — «Автор», 2026

— СТОЯТЬ! — рявкнул он так, что задребезжали стёкла в шкафу. — Вы сегодня сломали стул. Ударили пациента. Облили медсестру. Обрушили карниз. Залили компьютер. Отключили монитор. Разгромили шкаф. И теперь Вы выливаете на меня горячий кофе. Горячий, Силкина! Он горячий! Он начал расстёгивать пуговицы рубашки. Резкими, злыми движениями. Одна пуговица отлетела и покатила по полу. Кира смотрела, как он стягивает с себя мокрую ткань, обнажая торс — широкие плечи, рельефные мышцы груди, тёмную дорожку волос, убегающую за пояс брюк. На коже, там, куда попал кофе, виднелось красное пятно. Она сглотнула. Ей следовало отвернуться. Следовало извиниться ещё раз. Следовало сделать что-то, что угодно. --Всю жизнь отец говорил ей, что она бездарность. Пока однажды она не спасла жизнь, следуя урокам единственного мужчины, который в неё верил. Того, кого её отец называл убийцей.

© Суarez С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 80/50	5
Глава 2. Топография желания	8
Глава 3. Кофе и яд	12
Глава 4. Стихийное бедствие по имени Силкина	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сесилия Суарез

Ночная смена

Глава 1. 80/50

Приемный покой городской больницы № 7 в три часа ночи — это особый круг ада, где время течет иначе. Здесь пахнет хлоркой, страхом и металлическим привкусом крови — запах, который въедается в волосы и остается на языке даже после того, как выходишь на улицу глотнуть холодного ноябрьского воздуха.

Кира Силкина заступила на свою четвертую ночную смену с твердым намерением не опозориться. Предыдущие три закончились примерно одинаково: она либо заливалась краской до корней волос, когда старшая медсестра Римма Васильевна рычала на нее за перепутанные пробирки, либо икала от страха в ординаторской, пока остальные интерны пили кофе и обсуждали, кто из хирургов сегодня в настроении «казнить нельзя помиловать».

— Силкина, ты чего как мышь дрожишь? — фельдшер Лёня, грузный мужик с вечно красным лицом и золотым зубом, проходя мимо, хлопнул ее по плечу так, что она чуть не выронила планшет с историями болезней. — Сегодня Горчаков дежурит. Говорят, он в Питере за смену по десять полостных делал и даже не потел. Легенда, блин.

Кира поправила выбившуюся из пучка прядку и нервно сглотнула. Горчаков. Тот самый Пётр Горчаков, о котором шептались в ординаторских трех соседних больниц. Холодный, как скальпель, гениальный, как сам черт, и, по слухам, способный довести интерна до слез одним взглядом. Она видела его мельком вчера в коридоре — высокий, в идеально отглаженном белом халате, с лицом, будто высеченным из гранита. Он даже не посмотрел в ее сторону. Просто прошел мимо, оставив за собой шлейф дорогого одеколona и ощущение, что температура в помещении упала на пару градусов.

— Может, сегодня тихо будет, — пробормотала она, скорее уговаривая саму себя. — Вторник все-таки. Кто во вторник на ножах дерется, да?

Лёня хмыкнул, но ответить не успел — двери приемного покоя с грохотом распахнулись, выпуская ледяной ветер и каталку, которую толкали двое санитаров.

— Проникающее ножевое в левый верхний квадрант! — выкрикнул молодой парамедик, одной рукой прижимая к ране окровавленный тампон, а второй толкая тележку. — Давление падает, тахикардия, сознание спутанное. Драка в баре на Ленина. Ввели два кубика морфина на месте.

На каталке лежал мужчина лет тридцати пяти. Лицо бледное, с синеватым отливом, на лбу выступила испарина. Рубашка разрезана, и Кира увидела рану — небольшую, аккуратную, почти хирургическую, чуть ниже ребер слева. Но то, как вздымалась и опадала его грудь, как дергался кадык, говорило о внутреннем кровотечении. Много крови. Очень много.

Она замерла. Пальцы, сжимавшие планшет, побелели. В голове пронеслась мысль, которую она гнала от себя все эти дни: *«Я не готова. Я не справлюсь. Отец был прав — мне не место в хирургии».*

— Чего встали?! — голос, прозвучавший откуда-то из глубины коридора, разрезал воздух, как скальпель разрезает кожу. — Силкина, вы оглохли или молитесь? Каталку в третью операционную, быстро!

Кира вздрогнула и обернулась.

Пётр Горчаков стоял в дверях. Халат накинут поверх темно-серых брюк и черной водолазки, обтягивающей широкие плечи и сильные руки. Руки, которые, по слухам, стояли больше, чем вся эта больница вместе с оборудованием и всем персоналом. Волосы, обычно

зачесанные назад, были слегка взъерошены. Лицо жесткое, с резкими линиями скул и челюсти, но глаза... Глаза были стального цвета, и они смотрели прямо на нее.

Она почувствовала, как внутри все сжалось. Не от страха — от чего-то другого. От ощущения, что этот человек видит ее насквозь. Видит ее страх, ее неуверенность, ее жалкие попытки казаться профессионалом.

— Я... да, конечно, — она бросилась к каталке, помогая санитарам направить ее в операционную. Руки дрожали, но она заставила себя сосредоточиться. *«Дыши. Просто дыши. Ты знаешь, что делать».*

Горчаков оказался рядом быстрее, чем она ожидала. Он уже был в полной экипировке: хирургический халат, шапочка, маска. Над маской сверкали глаза, стальные и абсолютно спокойные. словно перед ним не умирающий человек с ножевым, а математическая задача, которую он решал тысячу раз.

Он на ходу растирал руки антисептиком с той особой, почти ритуальной быстротой, с какой это делают только хирурги высшей лиги.

— Тампон не убирать, — бросил он парамедику, даже не глядя на него. — Давление?

— Восемьдесят на пятьдесят, пульс нитевидный, пятьдесят, — отрапортовал парень.

— Группа крови?

— Первая положительная. Плазма в пути.

Горчаков кивнул, подошел к мойке, где медсестра уже открывала упаковку стерильных перчаток. Он быстро просунул руки в перчатки, позволяя медсестре быстро их надеть на его руки, и наконец, перевел взгляд на Киру. Она стояла рядом с каталкой, не зная, куда деть руки. Пальцы сами собой теребили край бейджа с фамилией.

— Силкина, — произнес он, и в его голосе ей послышалось что-то странное. Не просто констатация факта. словно он пробовал ее фамилию на вкус. — В мойку. Будете ассистировать.

— Я? — она чуть не поперхнулась воздухом. — Но... я интерн, я всего четвертую смену... может, лучше Васильеву позвать? Она опытная...

— Васильева опытная? — Горчаков изогнул бровь, и в этом движении было столько сарказма, что Кира захотела провалиться сквозь пол. — Васильева тридцать лет перевязки делает и боится слова «лапаротомия». А вы, насколько я знаю, дочь профессора Силкина. Знаменитая фамилия. Посмотрим, течет ли в ваших жилах хоть капля таланта, или только страх вашего папаши.

Кира замерла. Он знал. Он знал, кто она. И он намеренно при всех упомянул ее отца так, будто это было ругательство.

— Я не... — начала она, но он уже отвернулся к пациенту.

— В мойку, Силкина. Или предпочитаете смотреть операцию из коридора через стекло?

«Господи, зачем я вообще пошла в хирургию? Надо было в педиатрию, как папа говорил. Там никто не умирает на столе».

Кира надела шапочку, маску, хирургический халат, обработала руки антисептиком и повернулась к медсестре, чувствуя, как колотится сердце где-то в горле. Та помогла натянуть ей перчатки, молча смотря из-под маски. В операционной уже горел яркий свет. Пациента переложили на стол, анестезиолог колдовал над капельницей, монитор пищал в такт сердцебиению. Кира подошла к столу, чувствуя, как дрожат колени.

— Встаньте слева, — скомандовал он, не глядя на нее. — Инструменты знаете?

— Д-да.

— Хорошо. Тогда начнем. Скальпель.

Она подала инструмент. Их пальцы на долю секунды соприкоснулись в перчатках, и Кира почувствовала, как по позвоночнику пробежал электрический разряд. Даже через два слоя латекса она ощутила силу и уверенность его рук.

— Смотрите сюда, Силкина, — его голос звучал глухо из-за маски, но каждое слово впечатывалось в сознание. — Видите раневой канал? Нож прошел под ребром, задел селезенку и, возможно, диафрагму. Если бы ударили на два сантиметра правее — задели бы аорту, и он бы истек до приезда скорой. А так — у него есть шанс.

Она смотрела, завороженная. Его руки двигались с невероятной, почти пугающей точностью. Разрез, еще один, тампонада — каждое движение было выверено до миллиметра.

— Зажим.

Она подала зажим.

— Не этот. Кохера с зубчиком. Вы что, Силкина, инструменты не учили? Или вам папа сказал, что в хирургии главное — красиво стоять у стола?

Кира закусила губу под маской. Ей хотелось ответить, что она учила, что она знает, что она просто нервничает, но слова застревали в горле. Она молча подала правильный зажим.

— Спасибо, — бросил он, и в этом слове было столько иронии, что лучше бы он промолчал.

Операция длилась почти два часа. Два часа, в течение которых Кира почти не дышала. Она подавала инструменты, убирала тампоны, следила за монитором — и все это время чувствовала его присутствие. Не взгляд — он почти не смотрел на нее, сосредоточенный на пациенте, а что-то другое. Какое-то поле силовое, невидимое, которое заставляло ее держать спину прямо.

Когда последний шов был наложен, а давление пациента стабилизировалось, Горчаков снял перчатки и маску. Лицо его было спокойным, даже скучающим. Ни капли пота, ни тени усталости. Словно он не два часа боролся со смертью, а вышел из буфета с чашкой кофе.

— Жить будет, — сказал он анестезиологу. — В реанимацию. Наблюдение — сутки, потом в палату.

Кира стояла, прислонившись к стене. Ноги не держали. Руки дрожали так, что она не могла расстегнуть халат.

Горчаков подошел к ней. Близко. Слишком близко. Она чувствовала запах антисептика и еще что-то — теплое, мужское, от чего кружилась голова.

— Силкина, — произнес он тихо, и в его голосе не было уже ни сарказма, ни холода. Только усталость и что-то еще, чего она не могла понять. — Вы сегодня не убили пациента. Для интерна четвертой смены — это уже достижение. Но руки у Вас дрожат. Когда руки дрожат, хирург не оперирует. Хирург идет спать. Понятно?

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Он развернулся и вышел из операционной, даже не взглянув на нее. А Кира осталась стоять, прижимая к груди трясущиеся руки, и думала только об одном: почему от его похвалы, больше похожей на оскорбление, у нее так сладко заныло где-то под ребрами.

И еще о том, что он знал ее отца. И, кажется, ненавидел их обоих.

Но почему тогда она чувствовала, что именно этот человек — единственный во всей больнице, кто смотрит на нее, как на настоящего врача?

Глава 2. Топография желания

Следующая ночная смена началась для Киры с малодушного желания заболеть. Желательно чем-нибудь не заразным и не смертельным, чтобы хватило ровно на двенадцать часов отстранения от дежурства. Она даже проверила свой лоб тыльной стороной ладони, стоя перед зеркалом в ординаторской. Нет. Холодный. Даже слишком. И глаза не красные. И горло не болит. Предательский организм отказывался подводить ее в самый нужный момент.

— Силкина, Вы там молитесь или медитируете? — голос Риммы Васильевны, старшей медсестры, ворвался в ее размышления вместе с запахом крепкого кофе и ментоловой мази. — Горчаков уже полчаса как на месте. Обход начал без Вас. Сказал передать: «Если интерн Силкина предпочитает общество своего отражения обществу пациентов, давайте так и запишем в личном деле».

Кира застонала и бросилась в коридор. Сердце колотилось где-то в горле. Она представляла, как он стоит в палате, скрестив руки на груди, и его стальные глаза прожигают дыру в пространстве, которое она должна была занимать.

Она нашла его в палате интенсивной терапии. Пётр Горчаков стоял у койки вчерашнего пациента с ножевым ранением, которого они оперировали. Рядом с ним топтался молоденький ординатор Денис с видом побитой собаки. Горчаков что-то говорил — тихо, почти не разжимая губ, но ординатор бледнел с каждым словом.

Кира замерла в дверях, не решаясь войти. На Петре снова был идеально отглаженный халат, под ним — темно-синяя рубашка с расстегнутой верхней пуговицей. Она заметила, как ткань натягивается на его плечах, когда он жестикулирует. Заметила, как двигаются мышцы предплечья, когда он берет в руки историю болезни. Заметила, и тут же возненавидела себя за то, что вообще обратила на это внимание.

— А, Силкина, — он повернулся к ней, и его голос прозвучал с той особой, почти ласковой холодностью, от которой у нее все внутри сжималось. — Решили почтить нас своим присутствием. Заходите. Не стойте в дверях, Вы не памятник.

Она вошла, стараясь ступать как можно тише.

— Доброе утро, Пётр Викторович, — пробормотала она, чувствуя, как щеки заливают румянец. — Простите за опоздание. Я... задержалась.

— Задержались, — повторил он, растягивая слово, будто пробуя его на вкус. — Надеюсь, причина была уважительной. Например, Вы спасали котенка из горящего здания. Или проводили трепанацию черепа в полевых условиях.

Кира открыла рот, но ничего не придумала. Она просто стояла и смотрела, как уголок его губ чуть дергается — то ли в усмешке, то ли в раздражении.

— Ладно, — он махнул рукой. — Обход. Идем. Будете записывать. И, Силкина, — он остановился в дверях и обернулся. — Если я еще раз услышу «я задержалась» без веской причины, Вы будете драить инструменты до конца интернатуры. Вручную. Зубной щеткой. Понятно?

— Понятно, — выдохнула она.

— Чудесно. Тогда вперед. И постарайтесь не отставать. У меня широкий шаг.

Шаг у него действительно был широкий. Кире, с ее ста шестьюдесятью двумя сантиметрами, приходилось почти бежать, чтобы поспевать за ним по длинным больничным коридорам. Она семенила следом, прижимая к груди планшет и чувствовала себя маленькой собачонкой, которую взяли на прогулку, но забыли укоротить поводок.

Они заходили в палаты одну за другой. Горчаков осматривал пациентов с той пугающей эффективностью, которая выдавала в нем хирурга экстра-класса: минимум движений, максимум информации. Он не спрашивал: «Как вы себя чувствуете?». Он задавал конкретные

вопросы: «Где болит?», «Когда последний раз был стул?», «Газы отходят?». И пока пациенты, сбитые с толку его прямоотой, пытались сформулировать ответ, он уже ставил диагноз и диктовал назначения.

— Силкина, — бросил он через плечо, когда они вышли из от пациента, которому недавно вырезали аппендицит. — Что такое треугольник Кало?

Кира чуть не споткнулась на ровном месте.

— Это... это анатомическая область в воротной зоне печени. Ограничена латеральной стенкой, медиальной стенкой и...

— И чем? — он остановился так резко, что она едва не врезалась ему в спину.

— И нижней поверхностью печени, — выпалила она, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Почему хирург должен знать треугольник Кало как свои пять пальцев?

— Потому что там проходит пузырная артерия. Если ее перепутать с печёночной...

— Ишемия и некроз, — закончил он за нее. — Ваш отец, наверное, рассказывал Вам об этом перед сном вместо сказок?

Она промолчала, сжимая планшет так, что побелели костяшки пальцев. Он снова упомянул отца. И снова — с той особой интонацией, в которой смешивались презрение и что-то еще, чего она не могла расшифровать.

— Ладно, идем дальше, — он развернулся и зашагал по коридору. — Следующий пациент — панкреонекроз. Будете смотреть, как я делаю перевязку. И, Силкина, постарайтесь не падать в обморок от запаха. Панкреатический сок пахнет не розами.

Она не упала в обморок. Она выдержала перевязку, выдержала осмотр гнойной раны, выдержала даже вид дренажной трубки, из которой вытекало что-то мутно-желтое и отвратительно пахнущее. Кира стояла рядом, подавала инструменты, записывала назначения и чувствовала, как внутри медленно, но верно закипает злость.

Горчаков гонял ее как по учебнику. Нет, хуже. Как по анатомическому атласу, который она должна была знать с закрытыми глазами. «Силкина, назовите ветви чревного ствола». «Силкина, где проходит грудной лимфатический проток?». «Силкина, что будет, если задеть возвратный гортанный нерв?». И на каждый ее ответ — правильный, черт возьми, правильный! — он только кивал и задавал следующий вопрос, еще сложнее.

К концу обхода она была выжата как лимон. Голова гудела от латинских терминов, ноги ныли от бесконечной ходьбы, а в висках стучало от напряжения. Но самым странным было другое: несмотря на усталость и злость, она чувствовала странное, почти болезненное возбуждение. Его голос, его манера двигаться, то, как он смотрел на нее — все это заставляло кровь бежать быстрее.

— Перерыв, — объявил Горчаков, когда они вернулись в ординаторскую. — Пятнадцать минут. Кофе. Бутерброд. Что угодно. Через пятнадцать минут жду Вас в операционной. Будет экстренная лапаротомия. Подозрение на перфоративную язву.

— Я успею, — сказала Кира и тут же пожалела об этом, потому что он снова посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом, от которого у нее перехватило дыхание.

— Не сомневаюсь, — ответил он и вышел, оставив ее одну в пустой ординаторской.

Кира рухнула на стул и закрыла лицо руками. Ладони пахли антисептиком. Волосы, выбившиеся из пучка, щекотали шею. Она чувствовала себя так, будто пробежала марафон, хотя всего лишь прошла обход.

«Почему он так на меня смотрит? — думала она, глядя в потолок. — Как на ошибку природы, которую нужно исправить? Или как на...»

Она оборвала мысль, не дав ей оформиться. Нет. Нельзя. Он ее наставник. Он старше. Он... он ненавидит ее отца. И, возможно, ее саму.

Кира встала, налила себе растворимый, отвратительный, пахнувший жженым сахаром кофе из общего чайника и заставила себя выпить полкружки. Пятнадцать минут пролетели как пятнадцать секунд.

Операционная встретила ее ярким светом и привычным запахом — смесью хлоргексидина, латекса и того особого, стерильного воздуха, который бывает только в хирургических блоках. Пациент уже лежал на столе — мужчина лет пятидесяти с серым, осунувшимся лицом и животом, напряженным как доска.

— Перфорация язвы двенадцатиперстной, — коротко бросил Горчаков, натягивая перчатки. — Перитонит. Если не уберем содержимое из брюшной полости, умрет через сутки. Силкина, встаньте слева. Будете держать крючки.

— Я... да, конечно, — она заняла свое место, чувствуя, как дрожат пальцы в перчатках.

— Не «да, конечно», а «так точно», — поправил он, беря в руки скальпель. — В операционной нет места сомнениям. Здесь Вы либо режете, либо пациент умирает. Третьего не дано. Понятно?

— Так точно, — выдохнула она, и он едва заметно кивнул.

Разрез. Кожа разошлась под лезвием, обнажая желтоватый подкожно-жировой слой. Кровь выступила мелкими капельками, и медсестра тут же промокнула их тампоном.

— Смотрите сюда, Силкина. Видите эту область? Брюшина. Сейчас я ее вскрою, и мы увидим, что там внутри. Готовы?

— Да, — она сглотнула.

— Не «да», а...

— Так точно, — перебила она, и он снова кивнул.

Брюшина была вскрыта одним точным движением. Из раны пахнуло кислым, гнилостным запахом, и Кира почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Она сжала зубы и заставила себя смотреть.

— Перитонит, как я и предполагал, — Горчаков работал быстро, почти на автомате. — Видите этот выпот? Мутный, с фибрином. Сейчас будем промывать. Силкина, крючок держите ровнее. Вы не рыбу ловите, а обеспечиваете мне доступ к брюшной полости.

Она поправила крючок, чувствуя, как пот стекает по спине под хирургическим костюмом. В операционной ей казалось, что было жарко, несмотря на кондиционер, и каждый вдох давался с трудом.

— Теперь самое интересное, — продолжал он, его пальцы двигались внутри раны с уверенностью, которая завораживала. — Перфоративное отверстие. Вот оно, на задней стенке двенадцатиперстной кишки. Маленькое, но достаточное, чтобы убить человека. Будем ушивать.

Он начал накладывать швы, и Кира следила за его руками, замороженная. Она почти забыла о тошноте, о дрожи в коленях, о страхе сделать что-то не так. Она просто смотрела, как он работает, и чувствовала странное, почти эстетическое наслаждение от точности его движений.

— А теперь, Силкина, внимание, — его голос вдруг стал жестче, требовательнее. — Видите эту область? Вот здесь, — он указал кончиком зажима на участок тканей чуть выше поджелудочной железы. — Здесь проходит гастродуоденальная артерия. А вот тут, — он сместил зажим на сантиметр левее, — аорта. Самая крупная артерия в организме. В этом месте молодые хирурги всегда берут левее. Это ошибка. Грубая. Смертельная.

Кира затаила дыхание. Она видела, как близко расположены сосуды. Одно неверное движение — и кровь хлынет фонтаном, который невозможно остановить.

— Ваш отец, — произнес Горчаков, и в его голосе послышался лед. — Всегда брал левее. Говорил, что так «удобнее». Удобнее, Силкина. Вы понимаете, что это значит? Удобнее — значит быстрее. Быстрее — значит больше риск. А риск в хирургии — это чья-то жизнь.

Она молчала. Слова застревали в горле. Она смотрела на его руки, на то, как он ведет иглу в миллиметре от смертельно опасной зоны, и чувствовала, как внутри все переворачивается.

— Ты запомнишь, — сказал он вдруг тише, почти шепотом, и впервые за все время обратился к ней на «ты». — Как дышать, чтобы не задеть. Запомнишь этот угол. Это расстояние. Этот страх. Потому что страх — единственное, что не дает хирургу стать убийцей. Страх заставляет думать. А думать — значит выжить. И пациенту, и тебе.

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. В горле стоял ком. Глаза щипало от напряжения.

— Хорошо, — он вернулся к работе, и его голос снова стал ровным, деловым. — Теперь промывание. Силкина, подайте раствор.

Операция длилась еще полтора часа. Кира держала крючки, подавала инструменты, промокала кровь и делала все, что он говорил. Ее руки дрожали, но иглу она держала ровно. Потому что он сказал «запомни, как дышать», и она запомнила. Запомнила этот страх, это расстояние, этот угол. Запомнила, как его пальцы двигались в опасной близости от аорты, и как он при этом оставался абсолютно спокойным.

Когда все закончилось, и пациента увезли в реанимацию, она стояла у раковины в предоперационной и мыла руки. Вода была холодной, почти ледяной, но она не чувствовала холода. Она чувствовала только пустоту. Огромную, звенящую пустоту внутри.

Дверь открылась. Она не обернулась, но знала, что это он. Узнала по шагам, по тому, как качнулся воздух в комнате.

— Силкина, — сказал он, останавливаясь у нее за спиной. Близко. Слишком близко. Она чувствовала тепло его тела, запах его кожи — смесь антисептика и чего-то мужского, мускусного, от чего закружилась голова.

— Да? — ее голос дрогнул.

— Сегодня Вы не опозорились, — произнес он, и в его голосе ей послышалось что-то новое. Не похвала. Не насмешка. Что-то среднее. Что-то, от чего сердце забилось быстрее.

— Спасибо, — прошептала она, не оборачиваясь.

— Не за что, — ответил он и вышел, оставив ее одну.

Кира стояла, глядя на свои руки под струей ледяной воды, и чувствовала, как внутри что-то меняется. Что-то важное. Что-то, чему она пока не могла дать названия.

Но одно она знала точно: она запомнила, как дышать, чтобы не задеть. Запомнила его голос. Запомнила его руки. Запомнила этот страх.

И, кажется, именно это теперь будет сниться ей каждую ночь.

Глава 3. Кофе и яд

Утро в ординаторской пахло дешёвым растворимым кофе и усталостью. Кира сидела за общим столом, уткнувшись в планшет, и пыталась заставить себя проснуться. Предыдущая ночная смена вымотала её так, что даже волосы, казалось, устали держаться в пучке — прядки выбивались отовсюду, щекоча шею и виски. Она то и дело заправляла их за уши, но они снова выскальзывали, мягкие, русые, непослушные.

В ординаторскую ввалились трое других интернов: Денис Комаров — высокий, самоуверенный, с вечно насмешливым взглядом и привычкой говорить громче, чем нужно; Лена Воронцова — миниатюрная брюнетка с острым языком и манерами стервы, которая считала, что хирургия — это спорт, а не искусство; и Арсений — красивый, обаятельный, с ямочками на щеках и улыбкой, от которой медсёстры таяли, как масло на тёплом хлебе.

— Силкина, ты что, вообще не спишь? — Арсений плюхнулся на стул рядом с ней и пихнул плечом. — Выглядишь как зомби. Только без аппетита к мозгам.

— Спасибо за комплимент, — буркнула Кира, не отрываясь от планшета. — Ты всегда умеешь поднять настроение.

Денис хмыкнул и, не дожидаясь приглашения, уселся на край стола, загородив Кире половину света.

— Ага, не спит, потому что готовится к операциям, — протянул он, многозначительно растягивая слова. — Конечно, когда тебя лично натаскивает сам Горчаков, поневоле будешь материал учить. Интересно, что он у тебя принимает — зачёты по анатомии или что-то другое?

Лена фыркнула, поправляя и без того идеально уложенные волосы. Она присела на подлокотник соседнего кресла, скрестив руки на груди, и окинула Киру оценивающим взглядом, в котором смешались зависть и насмешка.

— Ой, не будь пошлым, — сказала она тоном, который подразумевал прямо противоположное. — Силкина у нас профессионалка. Она просто знает, как правильно... преподнести себя. Умение нравиться начальству — это тоже талант. Жаль, нас такому не учили.

— Потому что у вас, Воронцова, талант только языком молоть, — вяло отозвалась Кира, не поднимая глаз от планшета. Она листала историю болезни, хотя буквы уже сливались в одну серую полосу. — И да, Денис, анатомию я учу. Советую и тебе подтянуть. А то Горчаков вчера на обходе сказал, что ты путаешь селезёнку с печенью.

Денис поперхнулся и побагровел. Арсений прыснул в кулак, а Лена закатила глаза.

— Ой, какие мы острые! — пропела она. — Научилась у своего наставника языком резать. Только вот, Силкина, одного языка мало, чтобы на сложные операции попадать. Что ты ему такого делаешь, а? Может, поделишься секретом? Мы всем отделением интересуемся.

Кира на секунду подняла глаза — воспалённые, уставшие. Она смотрела на Лену без злости, просто с бесконечной усталостью человека, у которого нет сил даже обижаться.

— Секрет прост, Воронцова, — она вернулась к планшету, и её пальцы чуть дрожали. — Надо не косячить. Когда ты в следующий раз не перепутаешь дозировку, может, он и тебя возьмёт ассистировать. А пока — извини.

Лена поджала губы, её скулы заострились, но ответить она не успела — влез Денис, явно желая взять реванш за «селезёнку с печенью».

— А я слышал, ты ему кофе носишь, — сказал он, наклоняясь к Кире и понижая голос до интимного шёпота, который был слышен всей комнате. — Особенный. В его кабинет. И дверь закрываешь. Что, так хорошо завариваешь, что после этого он на всё готов?

Арсений пихнул Дениса плечом, уже без особой дружелюбности.

— Слушай, Комаров, уймись. Зависть — это некрасиво.

— А что? — Денис развёл руками, изображая невинность. — Я просто задаю вопросы, которые всем интересны. Силкина, колись: это семейное? Папа-профессор научил, как с начальством договариваться?

В ординаторской повисла тишина. Кира медленно положила планшет на стол, и этот простой жест почему-то заставил всех замереть. Она подняла голову и обвела коллег долгим, ничего не выражающим взглядом. Потом остановилась на Денисе.

— Знаешь, Комаров, — сказала она тихо, но в этом тихом голосе было что-то, отчего у Лены дёрнулся уголок рта. — Если я начну перечислять всё, чему меня научил папа, ты будешь чувствовать себя ещё более ущемленным, чем сейчас. Поэтому я, пожалуй, просто промолчу. Из жалости.

Она взяла планшет и демонстративно уткнулась в него, давая понять, что разговор окончен. Денис открыл рот, но Арсений, ухмыляясь, показал ему большой палец вниз, и тот осёкся. Арсений потянулся к чайнику.

— Будешь кофе, Силкина? Сделать тебе, как ты любишь — три ложки сахара и немножко жидкости для цвета?

— Сама справлюсь, — она отложила планшет и встала, чувствуя, как ноют мышцы спины после вчерашней операции. — Мне нужно заварить свежий. Этот уже похож на моторное масло.

Она как раз насыпала в кружку растворимый порошок, когда дверь ординаторской открылась, и в помещение вошёл Пётр Горчаков.

Атмосфера в комнате изменилась мгновенно. Словно кто-то выкрутил ручку громкости на минимум, а потом добавил статического электричества. Лена перестала красить губы и спрятала помаду в карман. Денис выпрямился на стуле, приняв вид прилежного ученика. Даже Арсений, который обычно вёл себя с преподавателями на равных, чуть подобрался.

Горчаков был в тёмно-сером костюме. Дорогая ткань облегла широкие плечи, сужаясь к талии, подчёркивая фигуру пловца или скалолаза. Белая рубашка расстёгнута на одну пуговицу, открывая яремную впадину и тень ключиц. Никакого галстука. Никаких лишних деталей. Только часы на запястье — тяжёлые, серебряные, с чёрным циферблатом, — которые тихо тикали в тишине ординаторской.

Он обвёл взглядом присутствующих, и его глаза — стальные, холодные, ничего не упускающие — на секунду задержались на Кире. Она стояла с кружкой в одной руке и банкой растворимого кофе в другой, чувствуя себя застигнутой на месте преступления.

— Доброе утро, Пётр Викторович, — первой подала голос Лена, растягивая слова с той особой, почти интимной интонацией, которую она приберегала для мужчин постарше. — Кофе? Кира как раз собиралась заварить. Она у нас спец по этому делу.

Кира бросила на Лену убийственный взгляд, но та только улыбнулась, хлопая ресницами.

Горчаков подошёл к столу. Ближе, чем нужно. Кира почувствовала запах его одеколона с нотками кедра и бергамота, и что-то в её животе сжалось в тугий узел.

— Кофе? — переспросил он, глядя на банку в её руке. Его голос был ровным, почти ленивым, но Кира уже научилась различать в нём оттенки. Сейчас в нём был холод. Много холода. — Это то, что вы пьёте каждое утро, Силкина?

— Эм... да, — она сглотнула. — Растворимый. Быстро и...

— Гадость, — перебил он. Одно слово. Короткое. — Я пью чёрный. Без сахара. В зёрнах. Свежемолотый. Запомните.

В ординаторской повисла тишина. Такая густая, что, казалось, её можно резать скальпелем. Лена фыркнула, прикрывая рот ладонью. Денис отвернулся к окну, но его плечи подрагивали от сдерживаемого смеха. Арсений просто смотрел на Киру с выражением «ну ты и попала».

Кира стояла, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Не от стыда — от злости. Он снова унизил её. При всех. За кофе. За обычный растворимый кофе, который пьют все нормальные люди в этой больнице.

— Я запомню, — сказала она, и её голос прозвучал неожиданно ровно. — Чёрный. Без сахара. В зёрнах. Свежемолотый.

Горчаков чуть наклонил голову, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на одобрение. Или на интерес. Кира не успела понять — он уже отвернулся и направился к двери.

— Через десять минут обход, — бросил он через плечо. — Силкина, Вы со мной. Остальные — по расписанию.

Дверь закрылась, и ординаторская взорвалась смехом.

— «Я пью чёрный. Без сахара. Запомните», — передразнил Денис, выпячивая грудь и понижая голос до комичного баритона. — Силкина, ты слышала? Он тебя за кофе отчитал. За кофе!

— Отвали, Комаров, — Кира плюхнулась на стул, чувствуя, как горят щёки.

— А мне кажется, это мило, — протянула Лена, подкрашивая губы. — Он к тебе неравнодушен. Может, тебе начать носить ему правильный кофе каждое утро? Глядишь, и до операционной доведёт в нерабочее время.

— Лена! — Кира бросила в неё скомканной салфеткой. — Прекрати!

— А что? — Лена поймала салфетку и отбросила в сторону. — Старшие хирурги часто спят с интернами. Это же классика жанра. Ты симпатичная, он холостой... Хотя, конечно, он тебе в отцы годится. Но кого это волнует, когда у человека такие руки?

— Лена, я тебя сейчас ударю, — предупредила Кира, но в её голосе не было настоящей угрозы. Только усталость и что-то ещё — что-то, от чего внутри всё сжималось при мысли о его руках.

Арсений, который всё это время молча наблюдал за ней, вдруг наклонился и тихо сказал:

— Не слушай их. Они просто завидуют. Горчаков — лучший хирург в этой больнице, и он выбрал тебя в ассистенты. Это дорогого стоит.

— Он выбрал меня, потому что я дочь своего отца, — прошептала Кира, глядя в пустую кружку. — Он меня ненавидит, Арсений. Просто хочет доказать, что я бездарность.

Арсений ничего не ответил, только сжал её плечо. Тепло. По-дружески. Но Кира вдруг подумала, что это прикосновение не вызывает в ней ничего. Абсолютно ничего. В отличие от того, как замирает сердце, когда Горчаков просто смотрит на неё.

Обход прошёл быстро. Горчаков снова гонял её по анатомии, снова задавал вопросы, на которые она отвечала, не задумываясь, так как заучила уже до автоматизма, и снова смотрел на неё с тем странным выражением, в котором смешивались холод и что-то ещё. Что-то, от чего у неё перехватывало дыхание.

В реанимации он остановился у постели пациента с перитонитом — того самого, которого оперировали вчера.

— Силкина, — сказал он, не глядя на неё. — Оставайтесь здесь на день. Будете менять повязки, следить за показателями, корректировать назначения по мере необходимости. У этого пациента высокий риск осложнений. Я хочу, чтобы за ним присматривал кто-то внимательный.

— Я... да, конечно... Так точно, — она кивнула, пытаясь скрыть разочарование. Значит, на операцию он её не возьмёт.

— Сегодня плановая холецистэктомия, — продолжил он, словно читая её мысли. — Возьму Комарова. Ему нужна практика.

Кира почувствовала, как внутри всё сжалось. Денис. Он возьмёт Дениса. Который вчера перепутал зажим Кохера с зажимом Микулича. Который на обходах отвечал невпопад и смотрел в телефон, пока Горчаков осматривал пациентов.

— Хорошо, Пётр Викторович, — сказала она, и её голос прозвучал почти нормально. Почти.

Он на секунду задержал на ней взгляд, и ей показалось, что уголок его губ дрогнул. Но, может быть, просто показалось.

— Работайте, Силкина, — бросил он и вышел из реанимации.

Кира осталась одна. В прямом смысле — реанимационная сестра ушла на перерыв, и в палате интенсивной терапии были только она и пациенты. Писк мониторов, шипение аппаратов ИВЛ, мерный стук капель. Она вдохнула глубже и принялась за работу.

Менять повязки она умела. Руки двигались сами — снимала старый бинт, осматривала рану, обрабатывала антисептиком, накладывала новый. Пациент спал под действием седативных, и Кира работала молча, сосредоточенно, иногда поглядывая на монитор.

Давление стабильное. Пульс ровный. Сатурация в норме.

Она пересела к столу и открыла историю болезни. Показатели за ночь, назначения, анализы. Всё нужно было проверить, всё перепроверить. Она писала заметки на полях мелким, аккуратным почерком, отмечая, где нужно скорректировать дозу антибиотиков, где добавить обезболивающее.

Время текло медленно. За окном реанимации сгущались сумерки — короткий ноябрьский день подходил к концу. Кира не замечала, как летят часы. Она погрузилась в работу с головой, и это было... хорошо. Спокойно. Здесь, среди писка мониторов и спящих пациентов, она чувствовала себя на своём месте.

Она не знала, что в это время в операционной творился ад.

Операционная встретила Дениса Комарова ярким светом и напряжённой тишиной. Горчаков работал молча, и это было хуже, чем если бы он кричал. Он просто протягивал руку за инструментом и ждал. Ждал ровно секунду. Если инструмент не появлялся в его ладони за эту секунду, он говорил полное название — тихо, холодно, с той особой интонацией, от которой у интернов подкашивались ноги.

— Зажим.

Денис замешкался. Перебрал инструменты на лотке. Протянул не тот.

Горчаков даже не посмотрел на него. Просто отложил зажим в сторону и взял нужный сам.

— Комаров, — сказал он, не отрываясь от работы. — Вы знаете разницу между зажимом Кохера и зажимом Бильрота?

— Д-да, Пётр Викторович.

— Тогда почему вы подали мне Бильрота, когда я просил Кохера?

Денис молчал. Его лицо под маской покраснело, на лбу выступил пот.

— Ладно, — Горчаков продолжил операцию. — Держите крючок. Ровнее. Выше. Вы не даете мне доступ.

Денис дёрнул крючок слишком сильно. Разрез расширился, обнажая ткани, которые не должны были быть задеты. Горчаков замер.

— Стоп, — сказал он. Одно слово. Но от него повеяло таким холодом, что медсестра вздрогнула. — Комаров, отойдите от стола.

— Но я...

— Отойдите. Сейчас же.

Денис отошёл, опустив руки. Горчаков склонился над раной, его пальцы двигались с той невероятной, почти пугающей скоростью, которая выдавала в нём хирурга с практикой в тысячи часов. Он исправлял ошибку.

— Вы чуть не создали необходимость второй операции, которая пациенту была не нужна, — сказал он, когда работа была закончена. Голос ровный, почти скучающий. — Из-за того, что

не умеете держать крючок. Запомните это, Комаров. Хирургия — не шутка. Здесь нет права на ошибку.

Он закончил операцию в полной тишине. Никто не произнёс ни слова. Даже анестезиолог, который обычно комментировал ход операции, молчал, уткнувшись в мониторы.

Когда пациента увезли, Горчаков снял перчатки, бросил их в утилизатор и вышел из операционной. Но вместо того, чтобы пойти в свой кабинет, он направился в ординаторскую интернов.

В ординаторской было шумно. Лена рассказывала про своего нового парня, Арсений смеялся, Денис сидел в углу с видом побитой собаки и молчал. Когда дверь открылась и вошёл Горчаков, все замерли.

Он обвёл взглядом присутствующих. Его лицо было спокойным, но глаза... В глазах горел холодный огонь.

— Только что, — сказал он, и его голос разнёсся по комнате, как удар хлыста. — На моей операции ассистировал один из вас. Интерн, который должен был держать крючок. Просто держать крючок, вы понимаете? Но он чуть не убил пациента. Из-за невнимательности. Из-за самоуверенности. Из-за того, что считает хирургию чем-то вроде компьютерной игры, где можно перезагрузиться, если что-то пошло не так.

Он сделал паузу. В ординаторской было так тихо, что слышно было, как тикают его часы.

— Силкина, — продолжил он, и все взгляды устремились на пустой стул, где обычно сидела Кира. — Дрожит как осиновый лист. У неё трясутся руки, когда она берёт скальпель. Она боится. Она сомневается. Она задаёт глупые вопросы. Но она ни разу не пыталась убить пациента. Ни разу не подала не тот инструмент. Ни разу не дёрнула крючок так, чтобы порвать сосуд. Поэтому, — он обвёл взглядом интернов, и каждый почувствовал себя под микроскопом. — Я выбираю её на сложные операции. На ответственные манипуляции. На то, что требует внимания и профессионализма. Потому что Силкина, при всех её страхах, профессиональнее каждого из вас.

Он развернулся и вышел, оставив после себя звенящую тишину.

Лена первой нарушила молчание:

— Ничего себе...

Денис закрыл лицо руками. Арсений улыбнулся — широко, искренне.

— А она даже не знает, — сказал он. — Кира даже не знает, что он только что сказал.

Кира не знала. Она сидела в реанимации, склонившись над историей болезни, и не слышала ничего, кроме писка мониторов и собственного дыхания. Она проверила показатели, поправила капельницу, сменила повязку пациенту с перитонитом и теперь вносила последние пометки в карту.

Дверь реанимации открылась бесшумно. Она не услышала шагов — только почувствовала, как что-то вдруг изменилось. Как будто в помещение вошло что-то тяжёлое, плотное, наполненное статическим электричеством.

Она подняла глаза.

Горчаков стоял в дверях. Прислонившись плечом к косяку, скрестив руки на груди. Его лицо было в тени, но глаза... Глаза смотрели прямо на неё.

Он молчал. Просто стоял и смотрел, как она работает. Как её пальцы аккуратно поправляют трубку капельницы. Как она вчитывается в карточку больного, хмуря брови. Как делает пометки на полях — мелким, аккуратным почерком.

Кира чувствовала его взгляд кожей. Он скользил по её лицу, по шее, по рукам — медленно, изучающе, словно он видел её впервые. Она сглотнула и заставила себя поднять глаза.

Их взгляды встретились.

Время остановилось. Писк мониторов стал тише, свет — мягче, воздух — гуще. Она смотрела в его стальные глаза и видела там что-то, чего не видела раньше. Не холод. Не презрение. Что-то другое. Что-то тёплое. Что-то, от чего у неё перехватило дыхание, а сердце забилось быстрее.

Он не двигался. Просто смотрел. И в этом взгляде было больше, чем в любых словах.

Кира почувствовала, как краска заливает щёки. Она опустила глаза, делая вид, что снова уткнулась в историю болезни. Но буквы расплывались перед глазами. Она слышала только стук своего сердца и его дыхание — ровное, спокойное, такое непохожее на её собственное, сбившееся.

Он постоял молча ещё минуту. Потом развернулся и вышел так же бесшумно, как вошёл.

Кира осталась одна. Сидела, глядя в карточку больного невидящим взглядом, и чувствовала, как внутри что-то переворачивается. Но одно она знала точно: он смотрел на неё. По настоящему. И от этого взгляда у неё дрожали руки сильнее, чем от самого сложного разреза.

Глава 4. Стихийное бедствие по имени Силкина

Если бы существовала нобелевская премия по созданию хаоса на пустом месте, Кира Силкина взяла бы её в это утро без единого конкурента. Она сама не понимала, как это происходит. В операционной её руки обретали твёрдость, а в обычной жизни они жили своей собственной, крайне неуклюжей жизнью.

Всё началось с того, что Горчаков, проходя мимо поста медсестёр, бросил ей через плечо: — Силкина, стул из пятой палаты в смотровую. Быстро.

Кира кивнула и рванула выполнять поручение. Ей хотелось доказать, что она может быть полезной не только в операционной, но и в элементарных бытовых вопросах. Она схватила деревянный стул с высокой спинкой и потащила его по коридору.

Всё шло хорошо. Ровно до того момента, как из-за угла вылетел санитар с каталкой.

— Поберегись! — крикнул он, и Кира, пытаясь увернуться, зацепилась ногой за ножку стула.

Дальнейшее происходило как-то нереально, как в замедленной съёмке: стул накреняется, она пытается его удержать, делает пируэт, достойный балетной школы, и врезается спиной в дверь смотровой. Дверь распаивается с грохотом, Кира влетает внутрь задом, стул падает на пол с оглушительным треском, а она плюхается на пол задом, чудом не сломав себе копчик.

В смотровой находился пациент — пожилой мужчина с подозрением на аппендицит и Пётр Горчаков, который как раз собирался проводить пальпацию живота.

Горчаков медленно повернул голову. Его лицо не выражало ничего. Абсолютно ничего. И это было страшнее, чем если бы он закричал.

— Силкина, — произнёс он ледяным тоном. — Я просил принести стул. Не устраивать цирковое представление. Вы меня слышите? Стул. Просто стул.

— Я... принесла, — пролепетала Кира, поднимаясь с пола и потирая ушибленное место. — Вот он. Немного... пострадал.

Стул лежал на боку с отломанной ножкой. Горчаков посмотрел на него, потом на Киру, потом снова на стул.

— Замечательно, — сказал он. — Просто замечательно. Выйдите. И принесите другой стул. Желательно целый.

Через час Горчаков, видимо решив дать ей шанс реабилитироваться, позвал её на осмотр в третью палату.

— Силкина, будете измерять давление. Аппарат сломался, так что механическим тонометром и стетоскопом. Умеете?

— Конечно, Пётр Викторович, — Кира выпрямилась, полная решимости. Уж что-что, а давление она измерять умела.

Она подошла к молодому парню с переломом ноги, который с интересом наблюдал за происходящим. Надела манжету, вставила стетоскоп в уши, приложила головку к локтевой ямке и начала накачивать грушу.

Всё шло идеально. Она даже слышала чёткие тоны Короткова. И тут, когда она потянулась поправить манжету, стетоскоп выскользнул из её ушей. Тяжёлая металлическая дуга, опирав дугу, с глухим стуком приземлилась прямо на нос пациента.

— Ай! — вскрикнул парень, хватаясь за лицо.

— О, Боже! — Кира побледнела. — Простите, ради Бога! Я случайно!

— Ничего, — пробормотал пациент, потирая покрасневший нос. — Бывало и хуже. В прошлый раз медсестра в моей палате градусник разбила. Ртутный. Я думал, мы все обречены.

Кира бросила панический взгляд на Горчакова. Он стоял в дверях, скрестив руки на груди, и смотрел на неё с выражением, которое можно было расшифровать как «я окружён идиотами».

— Силкина, — сказал он очень тихо. — Давление можно измерить, не нанося пациенту телесных повреждений. Вы в курсе?

— Я не хотела... Оно само...

— Закончите осмотр. И постарайтесь ничего ему не сломать. У него и так нога в гипсе.

После обеда Горчаков поручил ей сделать внутримышечную инъекцию пациенту с послеоперационной болью. Кира обрадовалась — уколы она делала хорошо. Рука у неё была лёгкая.

Она набрала препарат в шприц, подошла к пациенту, обработала место укола спиртом и... замерла. Из шприца, который она держала вертикально, вытекала тонкая струйка жидкости. Она забыла выпустить воздух. И когда она нажала на поршень, чтобы сделать это, струя лекарства под давлением ударила в потолок, оставив там мокрое пятно, и каплями осыпалась вниз — прямо на голову проходящей мимо Риммы Васильевны.

— Силкина! — взревела старшая медсестра, хватаясь за свою идеальную укладку. — Вы что творите?! Это же диклофенак! Он воняет!

— Простите, Римма Васильевна! — Кира готова была провалиться сквозь землю. — Я сейчас всё уберу!

— Уберёт она... — ворчала медсестра, удаляясь в сторону туалета. — Хирурги недоделанные... Укол сделать не могут...

Кира обернулась к пациенту. Тот лежал с каменным лицом, явно сдерживая смех.

— Извините, — прошептала она, заново набирая препарат. — Я обычно не такая... Это просто... день такой.

— Ничего, — хрюкнул пациент. — Зато весело. Давно так не развлекался.

После этого Горчаков, видимо уже из садистских побуждений, отправил её поправить шторы в палате для послеоперационных больных. «Они криво висят, Силкина. Поправьте. Это вы сможете? Или мне нанять для этого бригаду строителей?»

Кира заверила его, что справится. Она подошла к окну, взялась за край шторы и потянула. Штора не поддавалась. Она потянула сильнее. Раздался треск, и карниз старый, советский, державшийся на честном слове, рухнул ей на голову вместе со шторами, крючками и куском штукатурки.

Она стояла, опутанная тканью, как призрак из дешёвого фильма ужасов, и слышала, как в коридоре кто-то, кажется, Денис Комаров, заржал в голос.

— Силкина, — раздался знакомый ледяной голос от двери. — Я начинаю подозревать, что вы — тайный агент конкурентов, посланный разрушить эту больницу изнутри.

Она высунула голову из-под шторы. Горчаков стоял, привалившись плечом к косяку, и на его губах играла тень усмешки. Тень. Но она была там.

— Я почию, — пискнула Кира. — Я умею. У папы дома такой же карниз.

— Не сомневаюсь, — отозвался он. — Но, может, Вы сначала выберетесь из-под завалов? А то пациенты пугаются.

Решив, что ей нужно срочно реабилитироваться, Кира отправилась в ординаторскую и заварила себе растворимый кофе. Нервы требовали кофеина. Она села за стол, поставила кружку рядом с ноутбуком и начала вносить данные в электронную карту.

Всё шло хорошо, пока она не потянулась за мышкой и не задела кружку локтем. Горячий кофе выплеснулся на клавиатуру. Ноутбук издал жалобный писк, экран мигнул и погас.

Кира смотрела на залитую кофе клавиатуру и чувствовала, как внутри всё холодеет. Это был ноутбук с историей болезни пациентов. Единственный в ординаторской.

— Только не это, — прошептала она, начиная лихорадочно вытирать клавиатуру салфеткой. — Пожалуйста, включись. Пожалуйста...

В ординаторскую заглянул Арсений.

— Кира, что у тебя тут... Ого. Ты его убила.

— Он сам! — в отчаянии воскликнула она. — Я просто пила кофе!

— Знаешь, — Арсений присел рядом. — Есть такая техника безопасности: не ставить жидкости рядом с электроникой. Но ты, видимо, решила проверить, насколько она эффективна.

— Иди к чёрту, Сень.

— Пойду, — он встал. — Но сначала позову айтишника. Кажется, у него сегодня будет сверхурочная работа.

Горчаков, уже не скрывая раздражения, отправил её сменить капельницу в реанимации. «Это вы можете сделать, не устроив конец света? Просто снимите пустой флакон, повесьте новый, подсоедините. Элементарно».

Кира кивнула, полная решимости. Она вошла в реанимацию, сняла пустой флакон, взяла новый, потянулась к штативу...

И зацепилась ногой за провод от кардиомонитора. Провод выдернулся из розетки, монитор погас, запищал тревожный сигнал, и в палату влетела дежурная медсестра.

— Что случилось?! Почему монитор отключился?!

— Я... случайно... задела провод... — Кира стояла с флаконом в одной руке и выражением вселенского ужаса на лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.